Введение (отправная точка и основные понятия)

Леопольд фон Ранке

Рекомендация для цитирования:
Ранке Л. фон (2024) Введение (отправная точка и основные понятия).
Социология власти, 36 (3): 215-222
https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-215-222

For citations:
Ranke L. von (2024) Introduction (Starting Point and Basic Concepts).
Sociology of Power, 36 (3): 215-222
https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-215-222

Поступила в редакцию: 01.09.2024; принята в печать: 30.09.2024
Received: 01.09.2024; Accepted for publication: 30.09.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

© 2024 by the author.

В 1854 году выдающийся немецкий историк Леопольд фон Ранке (1795–1886) получил приглашение прочитать лекции баварскому королю Максимилиану II в его летней резиденции в Берхтесгадене. Просвещенный монарх ценил знаменитого ученого еще со времен посещения лекций в Берлинском университете. Благодаря подобным отношениям, складывавшимся у него с некоторыми бывшими студентами, Ранке имел репутацию не только «короля историков», но и «учителя королей». Публикуемое здесь введение к лекционному курсу «Об эпохах новой истории» включает материалы двух лекций, прочитанных 25 и 26 сентября 1854 года. В нем фиксируется размежевание с философией Гегеля и немецким абсолютным идеализмом в целом и утверждается само- и равноценность человеческой личности и более комплексных индивидуальностей — эпох и народов. Согласно Ранке, созерцающая перспектива историка должна приближаться к божественной точке зрения, способной обозревать все историческое человечество в его целом. Такая модель истории исключает рассмотрение исторического развития как унитарного необратимого движения прогресса в одном-единственном направлении. Допуская прогресс в области науки и материального развития, Ранке полагает, что его нет в нравственном отношении и искусстве, как нет его в философии и в принципах политики. Прогресс человечества для него заключается в том, что в различные эпохи преобладают разные «великие тенденции». В качестве своеобразного подтверждения реального присутствия на лекциях августейшего студента в текст включен уточняющий диалог Максимилиана II и Ранке.

Перевод с немецкого О. В. Кильдюшова, выполнен с оригинала: Ranke L., von. (1971) Einleitung (Ausgangspunkt und Hauptbegriffe). *Ranke L., von. Aus Werk und Nachlass*. Herausgegeben von W. P. Fuchs und T. Schieder. Band II. Über die Epochen der neueren Geschichte. München: Oldenbourg. S. 53-83.

Прежде всего, для успеха нынешних лекций необходимо прийти к взаимопониманию по двум вопросам: 1) об отправной точке, которую нужно будет при этом взять, 2) об основных понятиях. Что касается отправной точки для этих лекций, то для данной цели мы зашли бы слишком далеко, если бы захотели перенести себя в очень отдаленные времена, в очень отдаленные состояния, которые хотя и оказывают влияние на настоящее, но все же только косвенное. Итак, чтобы не потеряться в чисто историческом, мы начнем с римского периода, в котором можно найти комбинацию из самых разных моментов.

Сначала мы должны договориться: 1) о понятии прогресса в целом; 2) о том, что в связи с этим следует понимать под «руководящими идеями».

1. Как следует понимать понятие «прогресс» в истории

Если вместе с некоторыми философами предположить, что все человечество развивалось от данного изначального состояния к некой позитивной цели, это можно было бы представить двояким образом: либо общая руководящая воля способствовала развитию человеческого рода от одного пункта к другому, либо в человечестве как бы заложена некая черта духовной природы, которая с необходимостью ведет его к определенной цели. Я не хочу считать эти две точки зрения ни философски обоснованными, ни исторически доказуемыми. Философски эту точку зрения нельзя признать приемлемой, потому что в первом случае она прямо лишает человека свободы и превращает людей в безвольные орудия, а в другом случае люди должны были бы быть либо Богом, либо вообще ничем. Исторически эти взгляды также недоказуемы. Потому что, во-первых, большая часть человечества все еще находится в изначальном состоянии, в самой отправной точке. И тогда возникает вопрос: что такое прогресс? Где можно заметить прогресс человечества? Есть элементы великого исторического развития, которые закрепились в римской и германской нациях. Однако здесь присутствует духовная сила, развивающаяся от уровня к уровню. На протяжении всей истории нельзя упускать из виду как бы историческую силу человеческого духа. Это движение, основанное в незапамятные времена и продолжающееся с определенной устойчивостью. Однако в человечестве существует только одна система групп населения, которые участвуют в общеисторическом движении, а другие исключены из него. Но в целом мы не можем рассматривать национальности, рассматриваемые в историческом движении, как находящиеся в состоянии постоянного прогресса.

Если мы обратим внимание, например, на Азию, то увидим, что культура зародилась там и что эта часть мира пережила множество культурных эпох. Только там движение было в большей мере обратным. Ибо самая древняя эпоха азиатской культуры была самой процветающей, но вторая и третья эпохи, в которых преобладали греческий и римский элементы, уже не были столь значительными, и с приходом варваров (монголов) культура в Азии полностью прекратила свое существование. Таким образом, географически это понятие определить невозможно, и я должен с самого начала возразить против этого, когда утверждают, как, например, Петр Великий, что культура совершает кругосветное плавание, что она пришла с Востока и возвращается туда снова. Во-вторых, здесь следует избегать другого заблуждения, а именно, что прогрессивное развитие веков охватывало в одно и то же время все отрасли человеческих знаний и умений. История показывает нам, если для примера подчеркнуть лишь один момент, что в новейшее время искусство наиболее расцвело в XV веке и в первой половине XVI века; но, напротив, оно менее всего развивалось в конце XVII и в первых трех четвертях XVIII века. Именно так обстоит дело с поэзией. И здесь есть лишь моменты, когда это искусство действительно проявляется. Но не видно, чтобы с течением веков оно возрастало до более высокой степени. Таким образом, если исключить географический элемент, если предположить, как учит нас история, что могут погибнуть народы, у которых развитие не охватывает постоянно всего, то мы нашли, в чем состоит непрерывное движение человечества.

Оно основано на том, что великие духовные тенденции, которые управляют человечеством, то расходятся, то выстраиваются в ряд. Но в этих тенденциях всегда присутствует определенное частное направление, которое преобладает и заставляет остальные отступать на второй план. Так, например, во второй половине XVI века религиозный элемент был настолько преобладающим, что литературный отступил перед ним. С другой стороны, в XVIII веке стремление к полезности приобрело такой размах, что искусство и литература вынуждены были уступить ему. Итак, в каждую эпоху человечества проявляется определенная великая тенденция, и прогресс основывается на том, что в каждый период осуществляется определенное движение человеческого духа, которое выделяет то одну тенденцию, то другую, своеобразно выражаясь в каждой из них. Если бы вопреки высказанному здесь мнению можно было предположить, что этот прогресс заключается в том, что в каждую эпоху жизнь человечества возрастает в потенциале, что каждое поколение полностью превосходит предыдущее, следовательно, последнее является предпочтитель-

ным, а предыдущие являются лишь носителями последующих, то это было бы несправедливостью со стороны божества. Само по себе такое, как бы опосредованное, поколение не имело бы значения. Оно имело бы значение только постольку, поскольку это ступень последующего поколения, и не имело бы непосредственного отношения к Божественному. Но я утверждаю: каждая эпоха непосредственно связана с Богом, и ее ценность вовсе не в том, что из нее вытекает, а в самой ее экзистенции, в ее собственной самости. Таким образом, рассмотрение истории, а именно индивидуальной жизни в истории, приобретает совершенно особую привлекательность, поскольку каждая эпоха должна рассматриваться как нечто само по себе действительное и в высшей степени достойное изучения.

Итак, историк должен сосредоточить свое основное внимание, во-первых, на том, как люди мыслили и жили в определенный период, и тогда он обнаруживает, что, помимо некоторых основных неизменных вечных идей, например моральных, каждая эпоха имеет свою особую тенденцию и свой собственный идеал. Но даже если каждая эпоха сама по себе имеет свое право и свою ценность, то все же нельзя упускать из виду то, что из нее вышло. Таким образом, историк, во-вторых, должен также замечать разницу между отдельными эпохами, чтобы рассмотреть внутреннюю необходимость преемственности. Здесь нельзя не заметить определенный прогресс. Но я не хочу утверждать, что он движется по прямой, скорее он больше похож на поток, который прокладывает себе путь по-своему. Божество — если я могу осмелиться сделать это замечание — я представляю себе таким образом, что, поскольку перед ним нет времени, оно созерцает все историческое человечество в целом и находит в нем равную ценность. Впрочем, в идее воспитания человеческого рода есть что-то истинное, но перед Богом все поколения человечества предстают равноправными, так и историк должен смотреть на это.

2. Что следует думать о так называемой руководящей идее в истории

Философы, но особенно Гегелевская школа, выдвинули определенные идеи по этому поводу, согласно которым история человечества является логическим процессом, протекающим в виде тезиса, антитезиса и синтеза, в позитивном и негативном. Но в схоластике жизнь угасает, и поэтому и этот взгляд на историю, этот процесс развития духа в соответствии с различными логическими категориями привел бы к тому, что мы уже отвергли выше. Согласно этой точке зрения, только идея могла бы иметь самостоятельную жизнь.

А все люди были бы всего лишь тенями или схемами, которые воплощали бы идею. В основе учения о том, что мировой дух как бы обманным путем порождает вещи и использует человеческие страсти для достижения своих целей, лежит крайне недостойное представление о Боге и человечестве. Последовательно оно может вести только к пантеизму. В таком случае человечество — это становящийся Бог, который рождает себя сам посредством духовного процесса, заложенного в его природе.

Поэтому я не могу обозначить руководящие идеи иначе, как господствующие тенденции в каждом столетии. Между тем эти тенденции могут быть только описаны, но не суммированы в одном понятии в последней инстанции. В противном случае мы бы вновь вернулись к отвергнутому выше.

Теперь историку предстоит разобрать великие тенденции веков и развернуть великую историю человечества, которая как раз и является комплексом этих различных тенденций. С точки зрения божественной идеи я не могу думать об этом иначе, как о том, что человечество содержит в себе бесконечное множество эволюций, которые проявляются постепенно, хотя и по законам, нам неизвестным, более таинственным и величественным образом, чем кажется на первый взгляд.

Можно предположить безусловный прогресс, насколько мы можем проследить историю, в области материальных интересов, в которых даже совершенно чудовищные потрясения вряд ли приведут к регрессу. Но в моральном плане прогресс не наблюдается. Правда, моральные идеи могут широко развиваться; можно, например, утверждать, что великие произведения, созданные искусством и литературой, в настоящее время пользуются большим спросом, чем раньше. Но было бы нелепо стремиться быть большим эпиком, чем Гомер, или большим трагиком, чем Софокл.

КОРОЛЬ МАКС: Вы говорили выше о моральном прогрессе. Учитывали ли вы при этом внутренний прогресс?

РАНКЕ: Нет, но только прогресс человеческого рода. С другой стороны, индивид всегда должен подниматься на более высокую моральную ступень.

КОРОЛЬ МАКС: Но поскольку человечество состоит из индивидов, возникает вопрос, не охватит ли этот прогресс и все человечество в целом, если индивид поднимется на более высокую моральную ступень.

РАНКЕ: Индивид умирает; его существование ограничено; человечество, напротив, бесконечно. В материальных вещах я предполагаю прогресс, потому что здесь одно вытекает из другого. Иное дело в моральном отношении. Я верю, что в каждом поколении реальное моральное величие одинаково с другими поколениями, и что у мо-

рального величия нет никакого высшего уровня, как, например, мы не можем превзойти моральное величие древнего мира. Часто бывает даже так, что интенсивная величина обратно пропорциональна экстенсивной. (Сравните нашу современную литературу с классической.)

КОРОЛЬ МАКС: Но разве нельзя допустить, что Провидение, без ущерба для свободного самоопределения отдельного человека, поставило перед человечеством в целом определенную цель, к которой оно, хотя и ненасильственно, направляется?

РАНКЕ: Это космополитическая гипотеза, но ее невозможно доказать исторически. Хотя для этого у нас есть изречение Священного Писания о том, что однажды будет еще один пастырь и одно стадо. Но до сих пор это еще не подтвердилось как господствующий ход мировой истории. Доказательством этого служит история Азии, которая после периодов наибольшего расцвета снова впала в варварство.

КОРОЛЬ МАКС: Но разве сейчас не большее число индивидов достигло более высокого морального развития, чем раньше?

РАНКЕ: Я признаю это, но не в принципе. Ибо история учит нас, что некоторые народы не способны к культуре, и что зачастую более ранние эпохи были гораздо более моральными, чем более поздние.

(Франция в середине XVII века, например, была гораздо более нравственной и образованной, чем в конце XVII века.) Как я уже сказал, можно утверждать о большем распространении моральных идей, но только в определенных кругах. Как человеку мне кажется вероятным, что идея человечества, которая исторически представлена только в великих нациях, должна постепенно охватывать все человечество, и тогда это будет внутренним моральным прогрессом. История не противоречит этому воззрению, но и не доказывает его. Особенно мы должны остерегаться делать эти воззрения принципом истории. Наша задача — просто придерживаться объекта.

Понятие прогресса неприменимо к некоторым вещам. Как мы видели, это неприменимо к связи веков в целом, то есть: нельзя сказать, что одно столетие находится в услужении у другого. Далее, это понятие не будет применимо к произведениям гения в искусстве, поэзии, науке и государстве, поскольку все они имеют непосредственное отношение к Божественному. Хотя они основаны на времени, но то, что действительно продуктивно, не зависит от предыдущего и последующего. Так, например, Фукидид, который на самом деле создал историю, остался непревзойденным в своей манере.

Точно так же нельзя было бы предполагать прогресса в индивидуальном моральном или религиозном бытии, поскольку оно также

имеет непосредственное отношение к Божеству. Разве что можно было бы признать, что прежние понятия морали были несовершенны. Но с тех пор как появилось христианство, а вместе с ним и истинная мораль и религия, никакого прогресса в этом направлении произойти не могло. Верно и то, что, например, среди греков господствовали определенные национальные представления о дозволенности мести, очищенные христианством. Однако сущность христианства не была подготовлена предыдущими несовершенными состояниями, но христианство есть внезапное божественное проявление, как и вообще великие творения гения носят в себе характер непосредственно просветленного. После Платона не может быть никакого Платона. И хотя я совсем не отрицаю заслуг Шеллинга в философии, я все же не верю, что он превзошел Платона. Последний был непревзойденным по языку и манере говорить и вообще по своему поэтическому облику, хотя по содержанию нельзя отрицать, что Шеллинг умел использовать бо́льшую массу материала, переданного ему его предшественниками.

Напротив, следует предполагать прогресс во всем, что касается как познания, так и овладения природой. Первое было у древних как в детстве, и во втором отношении древние тоже не могут сравниться с нами. Это также связано с тем, что мы называем экспансией. Экспансия моральных и религиозных идей, вообще идей человечества, в настоящее время находится в состоянии непрерывного прогресса, и там, где когда-то существовал центр культуры, она имела тенденцию распространяться во все стороны, но не так чтобы можно было сказать, что прогресс в любой момент был безудержным.

В более материальных отношениях, в отношениях точных наук, а также в привлечении различных наций и отдельных людей к идее человечества и культуры прогресс является безусловным. Что касается отдельных наук, в частности философии и политики, то возникает вопрос, действительно ли в них произошел прогресс. Что касается философии, я должен признать, что мне достаточно древнейшей философии, которую мы находим у Платона и Аристотеля. В формальном отношении человек никогда не выходил за рамки этого, и в материальном отношении новые философы теперь снова возвращаются к Аристотелю. То же самое относится и к политике: общие принципы той же самой политики можно найти с наибольшей определенностью изложенными у древних, несмотря на то, что последующие времена также стали богаче по опыту и политическим экспериментам. Политика, в которой мы сейчас движемся, конечно, основана на исторически сложившихся условиях. Вопросы конституционной и сословной монархии и т.д. — это вопросы, которые полностью оправданны с нашей точки зрения, но все же основаны только на данных обстоятельствах.

Ибо никто не сможет утверждать, что сословия связаны с монархией уже в идее. Таким образом, более поздние времена имеют перед древними только то преимущество, что у них был более богатый опыт в политической области. Точно так же вопрос о суверенитете народа или правителя не может быть решен наукой, он решается историческим путем через партийные формы. То, что я сказал о политике, относится и к историографии. Например, никто не может претендовать на звание более великого историографа, чем Фукидид. Напротив, я даже претендую на то, чтобы сделать в историографии нечто отличное от древних, потому что наша история течет полнее, чем их история, потому что мы стремимся привлечь в историю другие силы, охватывающие всю жизнь народов, одним словом: потому что мы хотим объединить историю в единое целое.

Вот мы и определили основные понятия и отправную точку этих лекций.

Леопольд фон Ранке (1795-1886) — выдающийся немецкий историк, основатель научного подхода к изучению истории.

Leopold von Ranke (1795-1886) — a german historian and the founder of modern source-based history.